Михайло Потык сын Иванович

(Красные Ляги)

У ласкова у князя у Владимира
Заводился пированьице — почестный пир
На многих на князей на бо̀яров
И на сильных могучих бога̀тырей,
На всех палениц на удалыих.
Пир-от идет навеселе,
Ден-ет идет ко вечеру,
Красное солнышко ко западу.
Владимир князь столен-киевский
Наливал чары зелена вина,
Зелена вина в полтора ведра,
Подносил чары трем богатырям:
Старому казаку Илье Муромцу,
Молодому Добрыне сыну Никитину
И душечке Михайлу Потыку сыну Ивановичу:
«Ай же ты, старый казак Илья Муромец!
Выкушай чару зелена вина
И послужи мне, князю, верой-правдою:
Съезди-ко ты в Золоту Орду,
Собери-тко дани за семь лет,
А вперед бери за двенадцать лет.
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Выкушай чару зелена вина
И послужи мне, князю, верой-правдою:
Съезди-тко ты в Ца̀реград,
Собери-тко дани за семь лет,
А вперед бери за двенадцать лет.
И ты душечка Михайла Потык сын Иванович!
Выкушай чару зелена вина
И послужи мне, князю, верой-правдою:
Съезди-тко ты во царство Заморское,
Собери-тко дани за семь лет,
А вперед бери за двенадцать лет».

Садились богатыри на добрых коней,
Поехали в раздольице — чисто поле,
Промеждỳ собой уговорилися:
Братьям дружка дружке сòжидать,
Раскинуть в поле шатер белополотняный,
И вдруг ехать в столен Киев-град.
В первых приехал Илья Муромец.
Привез злата как сенну кучу,
Раскинул в поле шатер белополотняный
И дожидается своей братии.
Приехал молодой Добрынюшка Никитич,
Привез злата как сенну кучу.
И едет Михайла Потык сын Иванович,
Не везет злата ни одной денежки,
А везет душечку Марьюшку,
Душечку Лебедь Белую и полоненную.
И говорят ему братия:
«Чтò же ты, Михайла Потык сын Иванович,
Обзарился ты на прелести женския,
А не везешь злата ни единой денежки?
И с чим ты теперь во Киев-град появишься?»
И говорит Михайла Потык сын Иванович:
«Ай же вы, братьица крестовые!
А не давайте мне красна золота,
И не троньте душечки Белой Лебеди:
Я с ней поеду в столен Киев-град».

И приехали братья в столен Киев-град.
Старый казак Илья Муромец
Отвалил злата как сенну кучу;
Молодой Добрынюшка Никитинич
Отвалил злата как сенну кучу;
Идет Михайла Потык сын Иванович,
Не несет злата ни единой денежки,
А ведет за ручку душечку Марьюшку,
Душечку Лебедь Белую и полоненную.
И говорит Владимир князь столен-Киевский:
«Чем тебя за эту выслугу будет жаловать?
Селами ли жаловать со приселками,
Городами ли ударить с пригородками,

Али золотой казной несчетною?»
Говорит Михайла таковы слова:
«А не надоть сел с приселками,
Городов не надоть с пригородками
И не надоть золотой казны несчетныя:
Хоть меня чем пожалуй, я все пропью.
Лучше дай мне указ за печатью за красною:
Ходить Михайлу по царевым кабакам
И по всем кружалам государевым,
И пить зелено вино безденежно,
Чтобы с Михайлы денег никогда не спрашивали».
И дает Владимир князь столен-киевский
Ему Михайлу указ за печатью за красною:
Ходить Михайлу по царевым кабакам
И по всем кружалам государевым,
И пить зелено вино безденежно,
Что ни напьет, все казна внесет.
Говорит Владимир таковы слова:
«Я и тех-то послал, чтобы женилися,
А они, молодцы, не догадалися,
Обзарились на злато и серебро.
В нашу державу святорусскую
Пойдут семена — плод богатырский:
То лучше злата и серебра».

И говорит Михайла Потык сын Иванович:
«Ай же ты, душечка Марьюшка, Лебедь Белая!
Обвенчаемся мы с тобой!» —
«Не что̀, Михайла Потык сын Иванович!
Только с тем обвенчаемся, —
Сделаем записи крепкия
И положим мы за престол Господень:
Который из нас впереди помрет,
А другому живому в гроб легчѝ».
И сделали записи крепкия,
И положили за престол Господень,
И повенчалися в божьѐй церкви.
После брака год живут, другой живут,
И живут они по третий год,
Четвертое лето на про̀ходе.

И ходит Михайла все по кабакам
И по всем кружалам государевым,
Пьет зелено вино безденежно,
С Михайлы денег никогда не спрашивают.
И пришла к ёму в кабак весточка скорая,
Скорая весточка, не веселая:
Померла душечка Марья, Лебедь Белая.
Приходит Михайла в свои палаты белокаменны,
Наймует он плотников,
Состроить колода дубовая,
Дубовая колода, просторая,
Чтобы двоим легчи и сидя сесть.
И построили ему колоду, просторую.
И берет Михайла запасу на два месяца,
И похоронили во матушку сыру землю
Михайла Потыка сына Ивановича
И душечку Марью, Лебедь Белую.

И тогда подплывает змея лютая,
Лютая змея пещерская,
Пролизала колоду дубовую
И хочет съесть Марью, Лебедь Белую.
И Михайла Потык сын Иванович
Захвати змею за гайноище[1]:
«Задавлю я тебя, змея лютая,
И придавлю твоих двенадцать змеенышей!»
Говорит змея язы̀ком человеческим:
«Не дави меня и моих двенадцать змеенышей,
Я тебе дам змееныша порукою,
А сама пойду по подземле,
Принесу тебе живой воды:
Оживи-тко Марью, Лебедь Белую».
И дала ему змееныша порукою,
Сама побежала по подземле,
Принесла ему живой воды:
И оживили Марью, Лебедь Белую, стала жива.
Михайла Потык сын Иванович
Закричал как в сырой земле,
Так у князя Владимира палаты зашаталися;
Тогда сидели у князя Владимира

Князи-бояра на почестном пиру:
«Видно, тяжко живому с мертвым лежать,
Пойдем, выкопаем Михайла Потыка сына Ивановича!»
И выкопали Михайла Потыка сына Ивановича,
Идет вслед душечка Марья, Лебедь Белая.

*

Прошла такова слава великая
По всем землям и по всем ордам:
Такова-то есть во городе во Киеве
Душечка Марья, Лебедь Белая, бессмертная2.
На тую на славу на великую
Наезжает сорок царей, сорок царевичей,
И сорок королей, сорок королевичей,
Стали виноватого разыскивать3:
«Ай же ты, Владимир князь столен-киевский!
Отдай душечку Марью, Лебедь Белую,
Нам сорока царям в замужество».
И призывает Владимир князь Михайлу Потыка:
«Отдадим Марью сорока царям в замужество?»
Говорит Михайла Потык сын Иванович:
«Отдадим-тко твою Опраксу королевичну?»
Нарядился Михайла в платья женския,
Садился Михайла на добра коня
И поехал на Оскат-гору высокую,
Близь сорока царей, сорока царевичей,
И близь сорока королей, сорока королевичей.
Раскинул шатер белополотняный,
Надавал коню пшены белояровой
И ложился спать в белòм шатре.
Посылали посла сорок царей:
«Кто приехал к нам близь сорока царей?»
Отвечает Михайла Потык сын Иванович:
«Приехала Марья, Лебедь Белая,
Вам сорока царям в замужество».
Тогда сорок царей и сорок царевичей,
Сорок королей и сорок королевичей
Оболоклись в платье самолучшее,

Садились на самолучших коней
И приехали к шатру белополотняну.
Говорит им Михайла таково слово:
«Глупы вы сорок царей и сорок царевичей,
Сорок королей и сорок королевичей!
Я ведь одна, одному и достануся, а всем не достануся;
Дай-ко я расстреляю сорок стрелочек,
Всякому стрелюю во свою сторону:
Который вперед прибежит со стрелочкой,
Тому я и достануся».
На то цари согласилися.
Расстрелял Михайла сорок стрелочек,
Йная в кусты, йная в воду: ча̀сом ли соберешь?
Который вперед прибежит со стрелочкой,
Михайла тому голову секет,
Секет голову и под шатер складет.
И прибил ён всех до о̀дного,
По одному сорок царей и сорок царевичей,
И сорок королей, сорок королевичей,
Сам шел в столен Киев-град,
Привернул в кружало государево
И напился зелена вина безденежно:
С Михайла денежек не спрашивают.

И приехал король земли Польския,
И просит-отыскивает виноватого,
Самого ли Михайла Потыка сына Ивановича,
За ту ли противность великую,
Что увез ён дочь любимую,
Тую ли Марью, Лебедь Белую.
И увозил Михайла в свою землю Польскую,
И садил играть его во шахматы:
«Если я тебе проиграю[4], голова с плеч долой;
Если ты меня проиграешь, так в вине тебя Бог простит».
Михайло Потык сын Иванович
Раз ступает — не доступывает,
Во вторых ступает — переступывает,
А во третьих королю и мата дал, —
Выиграл Михайла свою голову.
Во второй раз прописал[5] король свою землю Польскую;

Михайло Потык сын Иванович
Раз ступает — не доступывает,
Во вторых ступает — переступывает,
А во третьих королю и мата дал, —
Выиграл Михайло державу Польскую,
Прописал король свою буйну голову;
Михайло Потык сын Иванович
Раз ступает — не доступывает,
Во вторых ступает — переступывает,
А во тертьих королю и мата дал, —
И надоть королю голова рубить,
Королевство Польское на руки принимать, —
Как пришла-то весточка скорая,
Скорая весточка, не веселая:
«Приехал царь Вахрамей Вахрамеевич,
Увез Марью во свою землю Вахрамееву».
И Михайла Потык сын Иванович
Королю в вине простил,
Королевство на руки возвратил,
И поехал вслед сугоною.

*

И достиг в чистом поле
Царя Вахрамея Вахрамеева
И Марьюшку, Лебедь Белую.
И видит царь Вахрамей беду неминучую
[Затыкает дыру онучею6],
Что не состоять с Михайлом Потыком Ивановичем,
И сам и сохутился7.
И Михайла приходит к Марье поблизку,
И берет его Марья за ручки белыя,
И целует в уста сахарныя,
И предводит прелести женския:
«Не сама я своим умыслом задумала
Ехать-то во землю Вохрамееву:
Отдал меня князь Владимир за неволею».
И поила его питьем пьяным.
И Михайла Потык сын Иванович напился,

И в дубровушку зеленую свалился.
И Марья брала его на руки белыя,
И кидала черѐз себя,
Крепки приговоры приговаривала:
«Был в чистом поле сильный могучий богатырь:
Теперь стань Михайло синим камнем в чистом поле!»
И обвернула она мужа Михайла камнем,
Сама уехала в землю Вахрамееву.

*

И во стольном во городе во Киеве
Были богатыри, его братья крестовые-названые:
Илья Муромец сын Иванович,
Добрыня Никитич, Алеша Поповичев.
И схватились они по Михайле Потыке:
«Пойдем искать Михайлу Потыка,
Чтò его долго нет из земли Вахрамеевой?»
И пошли — нарядились каликами перехожими,
Взяли сумочки переметныя,
Взяли клюшки в двенадцать пуд,
И пошли они во землю Вахрамееву.
Идут они путем-дорогою,
Вышел со стороны четвертый калика незнакомыий:
«Здравствуйте, калики Киевския!
Возьмите-ко меня в товарищи?» —
«Рады мы товарищу».
И пошли четверо калик перехожиих.

Пришли во землю Вахрамееву,
Клюшками поколотили[8]
И милостыни попросили.
И выглянула Марья, Лебедь Белая, в окошечко,
И видит, что ижут калики Киевския,
А четвертый калика незнакомыий,
И бежала на широкий двор,
И брали калик за руки белыя,
И ведет в палаты белокаменны,
И поит-кормит, чествует.

Трое калики пьют и едят,
А четвертый не ест и не пьет;
Трое калик принапилися,
Принапилися, да на пол свалилися,
А четвертый калика не пил, тот и не пьян.
Она взяла-собрала двенадцать богатырей:
«Подьте, богатыри, убейте калик Киевских».
И тогда пришли двенадцать богатырей,
Пришли — хочут убить калик Киевских.
Четвертый калика незнакомыий
Брал как клюшечку в двенадцать пуд,
Стал как клюшечкой помахивать,
И убил всех двенадцать богатырей,
Не оставил единого на семена.

И видит царь Вахрамей Вахрамеевич,
Что не состоять всему царству Вахрамееву
С одной каликой перехожеей,
А как те проснутся, что̀ будет?
Взял — у них котомки все отобрал,
И сходит во терема глубокие,
Наклал котомки полным-полнехоньки
Злата и серебра, и скатна жемчуга.
По утру калики просыпалися:
«Накормил-напоил царь Вахрамей Вахрамеевич
И на дорогу животами наделил!»
И пошли калики во Киев-град.

И приходят противу этого камени,
Где лежит Душечка Михайла Потык сын Иванович.
И говорит четвертый калика незнакомыий:
«Давайте, братцы, живот делить?»
Калики начали живот делить.
Четвертый калика незнакомыий
Живот делит, а на пять частей кладет.
А Илья Муромец не стерпел своего сердца ретового,
Сам говорит таково слово:
«Что же, четвертый калика незнакомыий,
Живот делишь, а на пять частей кладешь?
Кому часть пятая?»

Говорит четвертый калика незнакомыий:
«Тому же часть пятая,
Кто из этого каменя сделает богатыря».
И говорит Илья Муромец сын Иванович:
«Батюшко, четвертый калика незнакомыий!
Буде ты сделаешь из этого каменя богатыря,
Пусть весь живот тебе пойдет,
Не надоть нам одна денежка».
И четвертый калика незнакомыий
Брал камень на белы руки,
И кидал камень через себя,
И крепки приговоры приговаривал:
«Стань Михайла Потык сын Иванович!»
И выстал Михайла Потык сын Иванович на ноги,
И говорит четвертый калика незнакомыий:
«Обирайте, калики, весь живот,
Не надоть мне моя доля;
Молитесь вы Николе Святителю:
Кабы не он, то бы вы убиты были!»
Три калики Киевския пошли во Киев-град,
А четвертый калика незнакомый пошел в свою сторону.
А Михайла Потык сын Иванович
Пошел искать Марьюшки душечки,
Лебедь Белая, полоненная.

*

Приходит он в землю Вахрамейскую,
К царю Вахрамею Вахрамеевичу;
Клюшкой поколотил и милостыни попросил.
И выглянула Марьюшка душечка,
Лебедь Белая, полоненная,
И видит, что идет Михайла
Потык сын Иванович,
И бежала она на широкий двор,
И брала Михайла за руки белыя,
И ведет в палаты белокаменныя,
И поит-кормит, и чествует.
И Михайла-то порассохся,
Напился и на пол свалился:

А она взяла Михайла — поставила о стену,
И в руки и в ноги вбила пò гвоздю;
И против сердца был гвоздь грянцатый9,
Тот потерялся гвоздь,
То она побежала в кузницу,
А кузнецов дома не случилося.
И той поры Михайла Потык сын Иванович проспался.

И была у царя Вахрамея Вахрамеевича
Дочь Настасья Вахрамеевна.
Говорит она таковы слова:
«Пойти было мне посмотреть
Русского богатыря,
Как жена насмехается?»
И пришла, сама говорит таково слово:
«Экие наши глупые женские разумы!
Вот над каким молодцом жена насмехается!
Михайла Потык сын Иванович!
Возьмешь ли меня в замужество?
Сей час я тебя со стены сойму». —
«Настасья Вахрамеевна!
Сей час я тебя в замужество возьму».
Из рук из ног выдернула по гвоздю,
И принесла травки муравчатой,
И заживила раны кровавыя;
И принесла ружье богатырское.
«Ну, Настасья Вахрамеевна,
Не боюсь я теперь вашего царства Вахрамеевского!»
И взял царя Вахрамея Вахрамеевича —
На воротах и рòсстрелял;
И Марьюшку душечку,
Лебедь Белую, полоненную,
Также на воротах рòсстрелял;
А Настасью Вахрамеевну замуж взял.

Первая женидьба Михайлы неудачна была,
А вторая женидьба издачная.
И тут как оне обнялись да и оплелись,
Да и в одно место прижались.

(От старика калики)

Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: Ч. 2. - Москва. Народные былины, старины и побывальщины. - 1862.

1 Хайлище, пасть. — Изд.
2 По объяснению калики, «другая смерть человеку не бывает».
3 Стих, ошибочно вставленный из тех отделов былины, где Потык побеждает врагов и им являются мстители. — Изд.
4 Обыграю. — Изд.
5 Поставил на кон. — Изд.
6 Стих этот вставной из поговорки.
7 Спрятался.
8 Клюки в землю потыкали, или постучали ими в окно. — Изд.
9 Грядчатый, что забивают грядку? — Изд.